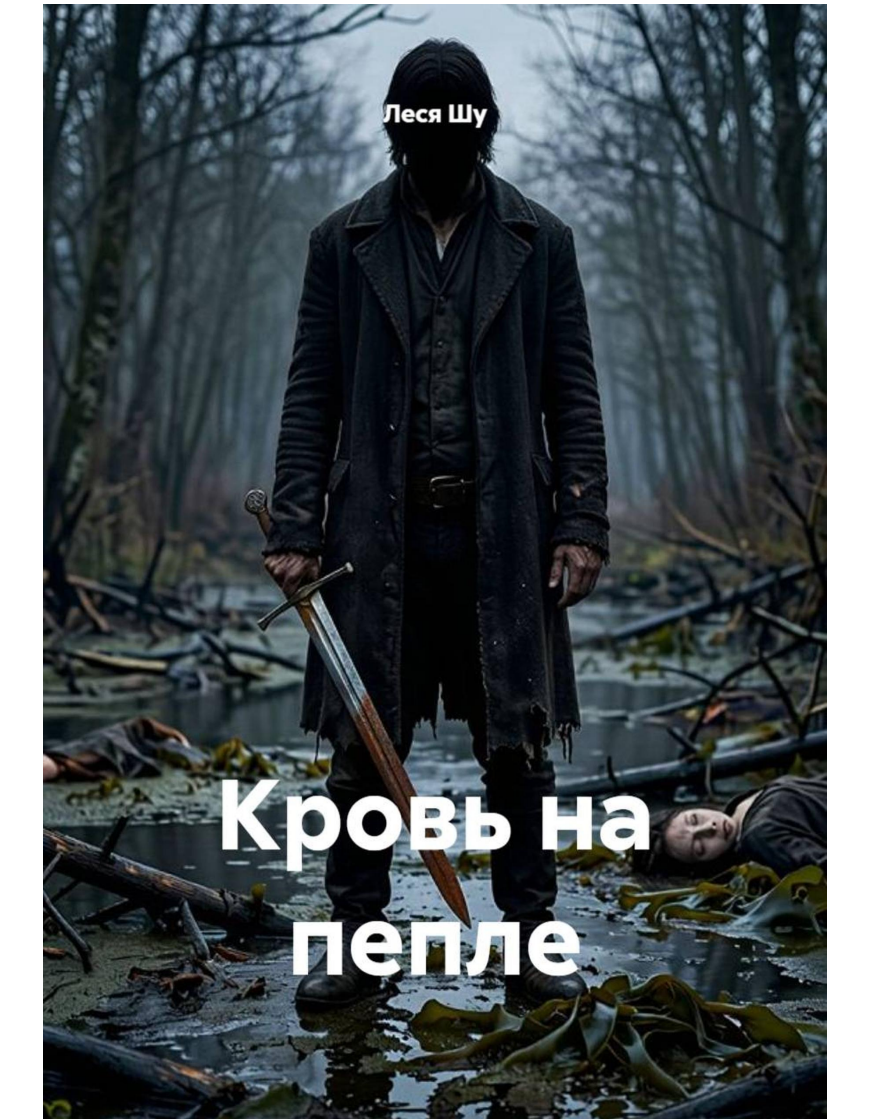

Леся Шу

Кровь на пепле

Леся Шу

Кровь на пепле

<https://litres.ru/74615772>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — последний Чистильщик. Его Устав: не вмешиваться, не судить, не спасать. Только чистить. Но заказ на «утопленницу» оказывается приказом убить древнюю берегиню — печать, что сдерживает Шёпот. Если она умрёт, отравленная магия войны вырвется на свободу и сожрёт всё. Заказчик — переодетая княжна Морава. Её отец болен. В его крови уже проснулся Шёпот. Она ищет лекарство и не остановится ни перед чем. У Сивого есть до весны. До весны, чтобы решить: остаться Чистильщиком или стать человеком. Устав или кровь. Долг или жизнь. Шёпот уже проснулся. И у Сивого есть выбор: убить берегиню и выпустить его, или нарушить Устав и рискнуть всем. Пепельная Марка — земля, где монстры не всегда чудовища, а люди — не всегда люди. «Кровь на пепле» — мрачное славянское фэнтези для тех, кто любил «Ведьмака», но устал от пересказов. Здесь нет предназначения. Здесь есть выбор. И цена, которую платят все.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леся Шу

Кровь на пепле

Глава 1

Синопсис: Пепельная Марка — земля, пережившая падение Кошечевой Орды. После великой войны поля и леса остались отравлены Шёпотом — остаточной магией, что будит мёртвых, кривит зверей и сводит с ума людей. По дорогам бродят Чистильщики — последние из Ордена Сухой Ветви, наёмники, что зачищают мир от нечисти. Они живут по Уставу: не вмешиваться в дела людей, не судить, не спасать. Только чистить.

Главный герой — Сивый, циничный и усталый Чистильщик, последний, кто помнит, как правильно сжигать проклятые кости. Он берёт заказ на «утопленницу» в Гнилом Логу. Но заказчик — не крестьянин, а переодетая княжна. Монстр — не чудовище, а древняя берегиня, хранящая печать, что сдерживает Шёпот. А правда такова, что убить её — значит выпустить на свободу нечто хуже любого монстра. Сивый оказывается перед выбором: Устав или человечность, долг или кровь. И от этого выбора зависит, превратится ли Пепельная Марка в новую Орду.

Пролог/Первая глава: Заказ на утопленницу

Дождь в Пепельной Марке не мыл. Он размазывал грязь, пока та не становилась похожа на кашу из греха и глины. Сивый сидел в корчме «Три висельника» на краю Смольного Яра, пил сивуху и смотрел, как за окном мокнет мир. Корчмарь, старый пенёк с лицом, будто его жевали собаки, знал своё дело: не задавал вопросов, не подливал в кружку воду и не считал, сколько серебра Чистильщик оставил на стойке.

Сивый был не из тех, кто любит компании. Два меча за спиной, кожаный доспех, пропахший дымом и травами, и клейма на предплечьях — руны, выжженные ещё в детстве. Они чесались, когда рядом творилась магия. Сейчас они молчали. Пока.

Дверь скрипнула. Вошёл мальчишка. Лет шестнадцати, не больше. Мокрый, как мышь, в простом сером кафтане, капюшон на глаза. Сел напротив, не спросив разрешения. Сивый отхлебнул сивухи и посмотрел на него, как смотрят на таракана в супе.

— Ты — Чистильщик? — голос у мальчишки был сиплый, будто он долго кричал или плакал.

— Смотря кто спрашивает, — ответил Сивый. — Если стража — то я благочестивый паломник. Если вдова — то я её покойный муж. А если ты принёс заказ, то говори быстро, пока я не решил, что ты просто нищий.

Мальчишка сглотнул. Руки у него дрожали. Он достал из-за пазухи серебряный перстень с гербом: медведь на разбитом колесе. Сивый узнал его сразу. Герб князей Моровых.

Владык этих земель.

— В Гнилом Логу завелась утопленница, — сказал мальчишка. — Она режет скот, пугает людей. Отец... один человек обещал заплатить. Много. Вот. — Он положил перстень на стол.

Сивый не взял. Он смотрел на руки мальчишки. Гладкие, без мозолей. Ногти чистые. Под ногтями — синие чернила. Так пишут только в княжеских писцовых избах. Или в детской.

— Ты не крестьянский сын, — сказал Сивый. — И не купеческий. Кто ты?

— Никто. — Мальчишка поднял глаза. В них была такая тоска, что Сивый поморщился. — Просто хочу, чтобы она сдохла. Тварь. Она убила мою... мою сестру.

— Утопленницы не убивают сестёр. Они топят скот и воют по ночам. За это им платят серебром, а не княжескими перстнями.

— Возьми кольцо. И иди. Или я найду другого.

Сивый вздохнул. Он знал, что пожалеет. Но сивуха уже размягчила мозги, а перстень стоил больше, чем три таких заказа. Он сгрёб кольцо, спрятал за пазуху и встал.

— Где лог?

— За Смольным Яром. Три версты на закат. Старая мельница. Там она живёт.

Мальчишка вышел первым. Сивый даже не спросил имя. Не потому, что не хотел. Потому что знал: имя будет ложью.

Дорога до Гнилого Лога была паршивой. Тропа вилась между чёрных пней, торчащих из болота, как гнилые зубы. Воздух стоял густой, сладковатый. Пахло тиной, падалью и чем-то ещё — старым, как мир. Шёпот. Сивый чувствовал его кожей. Клейма на предплечьях начали зудеть.

Он шёл и думал о том, что люди хуже монстров. Монстр убивает, потому что голоден. Или потому что проклят. Или потому что его таким сделали. Человек убивает, потому что выгодно. Или потому что боится. Или потому что хочет доказать, что он не монстр. В итоге получается одно и то же: кровь, грязь и чей-то вой в темноте.

В деревне Гнилые Ключи не было ни души. Дома стояли пустые, двери распахнуты. На одном заборе висела коровья шкура, вывернутая наизнанку. Сивый прошёл мимо. Не его дело. Устав запрещал вмешиваться. Чистильщик приходит, убивает тварь, уходит. Всё.

У старой мельницы он остановился. Колесо не крутилось. Вода в пруду была чёрной, как смоль. Тишина. Даже лягушки молчали. Сивый достал серебряный клинок, натёр его полынным маслом. Клейма на руках вспыхнули тусклым огнём. Рядом. Совсем рядом.

Она вышла из воды без всплеска. Женщина. Волосы — как водоросли, кожа — серо-зелёная, глаза — рыбы, круглые. Но не бросилась. Не зашипела. Просто стояла и смотрела.

— Сивый, — сказала она. Голос был тихий, как шелест

камышша. — Наконец-то.

Он замер. Клинок в руке стал тяжёлым.

— Мы знакомы?

— Ты убил моего брата. В Каменном Броде. Он был Чистильщиком. Ты был его напарником.

Сердце Сивого пропустило удар. Каменный Брод. Шёпот. Его напарник, Веслав, сошёл с ума за одну ночь. Начал резать людей, кричать, что они — куклы. Сивый сделал то, что должен был. Устав. Долг. Равновесие. Он вогнал ему серебро в сердце. И с тех пор не спал спокойно.

— Ты — берегиня, — сказал он. — Не утопленница.

— Я — печать, — ответила она. — Я держу Шёпот под Гнилым Логом. Если ты убьёшь меня, он вырвется. Пойдёт по деревням, по городам. Сожрёт всё.

— Мне заплатили за твою смерть.

— Тебе заплатила княжна Морава. Дочь князя. Она думает, что моя кровь исцелит её отца. Но это ложь. Её отец уже мёртв. В нём сидит Шёпот. Она просто хочет выпустить его, чтобы править. А я — замок на клетке.

Сивый опустил клинок. В голове было пусто. Он вспомнил мальчишку. Гладкие руки. Чернила под ногтями. Тоску в глазах. Княжна. Она врала. Врала красиво, как умеют только знатные.

— Ты должен был убить меня, — сказала берегиня. — Так написано в Уставе. Не вмешиваться. Чистить. Но ты уже вмешался. Ты взял кольцо. Ты пришёл.

За спиной хрустнула ветка. Сивый обернулся. Мальчишка стоял на краю поляны. Капюшон упал. Длинные волосы, злые глаза. В руках — арбалет. Направлен на берегиню.

— Ты должен был убить её, — сказала княжна. — Теперь придётся убить обоих.

Сивый посмотрел на неё. На берегиню. На свои руки, которые уже не дрожали. Клейма горели. Шёпот под землёй ворочался, как зверь в берлоге. И где-то очень далеко, в Смольном Яру, пил сивуху корчмарь, который не задавал вопросов.

— Устав, — сказал Сивый, — писан для людей. А мы с тобой, княжна, оба не люди. Ты — княжна без княжества. Я — Чистильщик без Ордена. И у нас с тобой одна проблема.

Он поднял клинок. Серебро блеснуло в свете луны.

— Ты хочешь выпустить Шёпот. А я хочу дожить до утра.**Глава 1. Устав и сивуха**

Сивый не выстрелил. И княжна не выстрелила. Так они и стояли втроём на краю чёрного пруда — Чистильщик, берегиня и девчонка с арбалетом, — пока луна не зашла за тучу и мир не стал похож на мокрую тряпку, которой вытерли стол после пьяной драки.

Первой опустила оружие Морава. Не потому, что испугалась. Сивый видел такие лица. Так смотрят люди, которые уже всё решили и просто ждут, когда мир догонит их решение.

— Ты глупец, — сказала она. — Она тебя обманывает.

— Может, — согласился Сивый. — А может, ты. Разница

в том, что она не пряталась под капюшоном.

Княжна дёрнула щекой. Арбалет ушёл вниз, к бедру. Она была худая, как жердь, и злая, как голодная собака. Под глазами — синие тени. Не от бессонницы. От травы. Сивый знал эту траву. Ею снимают боль те, кто уже одной ногой в могиле.

— Иди домой, девка, — сказал он. — Пока я не вспомнил, что мне заплатили.

— Я не уйду без неё.

— Тогда уйди с ней. Забирай своё серебро, свой перстень. Мне не нужна работа, за которую потом три ночи не спишь.

Морава посмотрела на берегиню. Та стояла неподвижно, как ива. Вода у её ног не рябила. Шёпот под землёй ворочался тише, будто прислушивался.

— Она убила мою сестру, — сказала княжна. Тихо. Почти шёпотом. — Не ври, тварь. Ты забрала её в прошлый новолуние. Я видела.

— Твоя сестра пришла ко мне сама, — ответила берегиня. — Больная. Проклятая. Она просила забрать её. Я сделала то, о чём она молила.

— Ложь!

— Правда. — Берегиня повернула голову. Медленно. Как дерево на ветру. — Она несла в себе Шёпот. Я впустила его в воду. Он ушёл в глубину. Она ушла в покой. Это была милость.

Морава заплакала. Некрасиво, по-детски, размазывая слёзы по грязным щекам. Арбалет выпал в траву. Сивый смот-

рел на неё и чувствовал только усталость. Он видел сотни таких слёз. По сотням таких сестёр. И каждый раз думал одно и то же: если бы люди умели читать Устав, Чистильщики остались бы без работы.

— Кто твой отец? — спросил он.

— Князь Мор. Он в столице. Он болен. Врачи говорят: Шёпот в крови. Я искала лекарство. Мне сказали: кровь берегини. — Она всхлипнула. — Я не хотела... я не знала, что она... что она говорит правду.

— Люди редко знают, — сказал Сивый. — Это их главная беда.

Он подошёл к ней, поднял арбалет, вынул болт и сунул оружие ей за пояс.

— Иди домой. Скажи отцу, чтобы готовил погребальные дроги. Если Шёпот в нём — его не спасти. Ни кровью, ни молитвой, ни серебром.

— А она? — Морава кивнула на берегиню.

— Она останется. Она — печать. Пока она жива, Шёпот спит.

Княжна долго молчала. Потом развернулась и пошла в темноту. Ни разу не обернулась. Сивый смотрел ей вслед, пока её фигура не растворилась в тумане. Молодец. Умная девка. Плохо только, что умные девки чаще всего и делают глупости.

Он обернулся. Берегиня смотрела на него.

— Ты не убьёшь меня, — сказала она. Не вопросом.

— Не сегодня.

— Почему?

Сивый почесал подбородок. Щетина была колючая, как репей. Клейма на руках погасли. Шёпот улёгся. Тишина стала обычной, болотной, с лягушками и комарами.

— Потому что я старый, — сказал он. — Потому что сивуха кончилась. И потому что если я тебя убью, то весной сюда придут новые. С арбалетами, с факелами, с указом от князя. И тогда Шёпот проснётся по-настоящему. А я, знаешь ли, не люблю, когда меня будят.

— Ты странный Чистильщик.

— Я последний Чистильщик. Это не одно и то же.

Он развернулся и пошёл обратно по тропе. Ветки хлестали по лицу, вода хлюпала под сапогами. Он не оглядывался. Устав запрещал оглядываться. Один раз обернёшься — и всё. Привяжешься. А привязанность — это первая ступенька к тому, чтобы нарушить Долг.

Клейма снова зачесались. Он остановился. Прислушался. Тихо. Только лягушки. Только комары. Только его собственное дыхание.

— Сивый, — позвала берегиня из темноты. — Шёпот не спит. Он ждёт. У тебя есть до весны.

— У меня всегда есть до весны, — буркнул он и пошёл дальше.

В «Трёх висельниках» пахло кислой капустой и мокрой псиной. Корчмарь всё так же протирап стойку, будто не про-

шло и дня. Сивый сел на своё место, бросил на стол медяк.

— Сивухи.

— Кончилась, — сказал корчмарь. — Вчера ещё.

— Тогда воды.

Корчмарь принёс ковш. Сивый выпил. Вода была холодная, с привкусом железа. В Пепельной Марке вся вода была с привкусом железа. Говорили, что это от крови, которая впиталась в землю за годы войны. Сивый в это не верил. Он знал, что это просто ржавчина из старых труб.

— Княжна Морава, — сказал он вслух. — Знаешь такую?

Корчмарь вздрогнул. Кружка в его руках дёрнулась.

— Не знаю никаких княжон, — сказал он. Слишком быстро.

— И я не знаю, — согласился Сивый. — Но если увидишь, передай: пусть сидит дома. Лекари в столице умеют считать. Особенно чужие перстни.

Корчмарь кивнул. Не спрашивал. Умный пенёк. Такие живут долго.

Сивый встал, вышел на улицу. Дождь кончился. Небо на востоке светлело, серое, как старая простыня. Где-то далеко, за лесом, кричала птица. Не ворон. Что-то другое. Сивый не знал, что. И не хотел знать.

Он поправил мечи за спиной и пошёл на восток. Впереди была зима. За зиму Шёпот окрепнет. За зиму княжна Морава либо поумнеет, либо найдёт других дураков с арбалетами. За зиму старый князь Мор либо умрёт, либо превратится в

нечто похуже.

А Сивый будет идти. Чистить. Убивать. Не вмешиваться. Так написано в Уставе. Так учил Орден. Так проще.

Он почти верил в это. Почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.